

Оксана
АЛЕКСАЕВА

Спаси нас

**ПОСЛЕ
РАЗВОДА**

Оксана Алексаева
После развода. Спаси нас

«Автор»

2026

Алексаева О.

После развода. Спаси нас / О. Алексаева — «Автор», 2026

Узнав о предательстве мужа, решаю отомстить самым изощренным способом — «умереть» для него. Матвей считает меня погибшей, но спустя полгода судьба сталкивает нас в тот момент, когда нам с малышом необходима срочная помощь. И спасти нас сможет только он... Мой бывший муж.

Оксана Алексеева

После развода. Спаси нас

Глава 1

Элеонора

Наступает долгожданный вечер. Я жду Матвея дома, порхаю по квартире, словно бабочка, предвкушая его возвращение. У меня есть такая потрясающая новость для него, что мне самой до сих пор не верится.

Мы скоро станем родителями!

Семь долгих лет попыток, надежд, разочарований и вот, наконец... Свершилось чудо. Держу в руке маленькую пластиковую полоску, и две жирные, яркие линии на ней кажутся мне не просто результатом теста. Это символ нашей победы, счастья и сбывшейся мечты. На скоро станет трое...

Вот и машина Матвея подъезжает к дому. Снова задержался, мой трудяга. Наверное, как и всегда, причиной была срочная операция.

Бросаюсь к двери, сердце бьется в предвкушении. Распахиваю её, с улыбкой встречая мужа. Буквально порхаю.

– Привет, милый. Снова пробки? Или пациенты? – я целую его в щеку, пытаюсь поделиться своим ликующим настроением. Но... Муж не отвечает. Точнее, отвечает, но как-то странно.

На его лице висит лишь тень, какая-то тяжесть. Матвей хмурый, дерганый. Что-то не так. Наверное, был тяжелый день. Тревога, словно противный паук, начинает плести свою паутину где-то в глубине души. – Эль... Надо поговорить, – голос Матвея звучит обреченно, словно он предчувствует что-то нехорошее. Муж вздыхает, и этот

вздых наполнен такой тоской, что мое сердце тут же сжимается.

– Матвей, что-то случилось? – пытаюсь говорить спокойно, но мой голос дрожит. Тревога нарастает.

– Галя беременна.

Галя. Моя сестра-близняшка... Беременна? Надо же, какое совпадение. Правда от кого? Она, в отличие от меня, никак не может устроить свою личную жизнь. Но все равно это прекрасная новость, и я чувствую, как на губах вот-вот появится улыбка.

«Я тоже...» – эта мысль так и норовит вырваться наружу, но я удерживаю её. Не время.

Подожду. Сначала пусть Матвей выговорится.

Делаю глубокий вдох. Сначала ощущаю облегчение. Конец света не наступил. Все живы и здоровы. И ещё, оказывается, моя сестра тоже беременна. Странно, что Матвей уже в курсе, а я ещё нет. Хотя это не удивительно, ведь мы с Галей в последнее время сильно отделились. Почти перестали общаться. У сестры вредный, заносчивый характер и мне стало все сложнее находиться с ней рядом.

И тут... Я почему-то замираю.

Смотрю в глаза Матвею, и в этом мучительном взгляде я считываю то, о чем он пытается мне сказать.

Словно... Он имеет к этому отношение.

В голове сразу же вспыхивают воспоминания, как на протяжении прошлого месяца Матвей постоянно ездил к сестре на съемную квартиру, чтобы помочь обустроиться... То диван надо было перевезти, то кран починить, то лампочку поменять. Тогда мне не казалось это странным. А сейчас...

– Нет, – качаю головой, но мой голос звучит слабо и неуверенно. – Нет, Матвей, только не говори, что...

Но его слова звучат довольно резко: – Прости, Эль. Это мой ребенок.

«Я тоже! Тоже ношу под сердцем твоего ребенка!» – кричит моё подсознание, мой внутренний голос, но сил нет, чтобы произнести эти слова вслух. Они комком отчаяния застревают где-то в горле.

Да и есть ли теперь смысл? Зачем это говорить? Зачем разрушать себя ещё больше? Я с силой сжимаю тест-полоску в кулаке. Пластик трещит, деформируется, превращаясь в жалкий кусок. Я отворачиваюсь от него, не в силах видеть предательское лицо мужа, не хочу видеть его жалость. Незаметно, чтобы он не увидел, выбрасываю скомканный тест в ближайшую урну. Это уже ничего не значит. Для него.

– Как так вышло?! – мой голос дрожит. Я не могу поверить. Не могу принять.

– Это произошло случайно. Но время не повернуть вспять, поэтому... Эль, прости. Я должен быть с ней. Я ей сейчас нужнее.

Эти слова больно режут по сознанию, словно кто-то вонзил в него раскалённый нож.

«Я должен быть с ней... Я ей сейчас нужнее». Не мне? Не своему ребенку? Нашему ребенку, который тоже скоро родится?

– Ты же знаешь, как сильно я мечтал о наследнике... Ты не смогла мне его подарить, и раз уж так получилось, что вместо тебя забеременела Галя, то... – Матвей говорит это так просто, так буднично, словно речь идет о каком-то незначительном деле. Наследник... Да, мы оба мечтали. Мы оба ждали. И я так старалась. Так надеялась. А теперь...

– Мне придется уйти, – горько усмехаюсь я, продолжая вместо него и глотая скупую слезу, все еще стоя спиной к мужу. Сил нет посмотреть ему в глаза. Сил нет больше бороться.

– Не переживай, Эль. Я виноват, поэтому дам тебе компенсацию. Куплю квартиру, чтобы тебе было где жить, и дам денег на первое время, пока ты не найдешь постоянную работу...

Работу... Матвей всегда был против, чтобы я работала. Считал, что задача женщины – хранить семейный очаг и растить детей. Правда, с последним я никак не смогла справиться. По крайней мере, так он думал и думает до сих пор. Теперь, когда Галя забеременела, он, видимо, решил, что две сестры отлично могут заменить друг друга. Одна не смогла подарить наследника, ничего страшного, ведь есть другая...

Другая смогла. И Матвей выбрал её. Выбрал её ребенка.

Ведь мы с Галей идентичны по внешности. Почти одинаковые снаружи.

Как легко и просто.

А меня... Меня Матвей готов просто «компенсировать». Выбросить, как сломанную вещь. В этот момент я чувствую, как что-то внутри меня окончательно умирает. И я понимаю – это конец.

Глава 2

Элеонора

Слова Матвея о компенсации, отдельной квартире, деньгах... Они режут меня, как острые осколки.

Режут душу, оставляя кровоточащие раны. Он, кажется, совершенно не понимает. Не понимает, что все это время мне нужен был он. Только он. Его любовь, его поддержка, его присутствие. Материальные блага – это всё пыль, прах, когда нет главного. Когда нет того, кто был центром моего мира.

– Когда это случилось? – мой голос звучит хрипло, едва слышно. Зачем я спрашиваю? Что это изменит? Узнать, сколько времени из меня делали дуру? Сколько предатель лгал, сколько играл свою роль?

– Не так давно, – отвечает Матвей, и его голос полон такой усталости, такой обреченности, что мне становится еще хуже. – Чуть больше месяца назад. Прости, Эль, я не думал, что все так обернется. Будь моя воля, ты бы никогда об этом не узнала. Но я хочу этого ребёнка.

«Хочу этого ребёнка...»

Но это ещё не всё. Следующие слова Матвея добивают меня ещё сильнее, хотя я думала, что хуже уже быть не может. Контрольный выстрел.

– Даже если он будет не от тебя.

Стою спиной к мужу, глотая слезы и чувствую, как земля уходит из-под ног.

Я тоже беременна. Наш ребенок. Его ребенок. О котором мы мечтали столько лет. О котором я так хотела рассказать ему сегодня. Увидеть его радость, его счастье. А теперь... Теперь я не хочу ничего. Кроме одного, чтобы эта боль прекратилась.

Матвей выбрал её. Галю. Мою сестру-близняшку. Просто потому, что та забеременела раньше. Просто потому, что она успела сказать раньше, опередила меня. Галя всегда была во всем первой. Быстрее, смелее, напористее. А я... Я всегда была той, кто ждет. Ждет своего счастья, ждет своего часа. Вот мой час настал. И тут же уплыл.

Теперь мне не остается ничего, кроме как уйти. Молча. Без скандала, без претензий. Просто уйти.

– Эля, прости... – бросает предатель мне вслед. Голос звучит искренне, но мне плевать. Его «прости» – пустой звук. Матвей уже сделал свой выбор. Он уже выбрал другую.

Я ухожу. Даже не оборачиваюсь. Не хочу видеть в его глазах жалость. Не хочу видеть отражение своего разбитого сердца.

Боль сжимает грудь, не давая дышать. Это физическая боль, невыносимая, давящая. Я умираю от этой боли, но заставляю себя держаться.

Ради малыша. Он – мое единственное утешение. Моя единственная надежда. Мое будущее. Он – единственная причина, по которой я должна жить. Должна бороться.

Решаю вернуться в свой родной город. Туда, где прошли мои детство и юность. Туда, где остались воспоминания о родителях. И сама квартира от родителей...

Галя не захотела там жить, мотивируя наш маленький уютный городок дырой. Ну что ж, она забрала моего мужа. Я заберу её квартиру. Хотя бы на время. Это будет мой новый старт, ведь нам с малышом нужно где-то жить.

Покупаю билет на автобус. Смотрю на удаляющиеся огни города, который был моей мечтой, а теперь стал местом моей боли. Никогда больше сюда не вернусь. И никакие подачки от Матвея мне не нужны. Я справлюсь сама. Мы справимся сами.

Автобус трогается, а я призываю себя не плакать. Сдерживаю слезы, смотрю в окно на проплывающие мимо улицы. Каждый километр – это шаг прочь от прошлой жизни. Шаг навстречу новой.

Все будет хорошо. Я справлюсь. Мы справимся...

Спустя несколько часов автобус тормозит на заправке. Решаю воспользоваться случаем и зайти в уборную. Кабинка оказывается тесной, а замок, как назло, наглухо заедает.

Я дергаю ручку, пытаюсь открыть, но все тщетно. Паника начинает охватывать меня. Боже, только этого не хватало...

Вдруг автобус уедет без меня?! Там чемодан, сумка с документами, деньги, в конце концов...

Я стучу, зову на помощь. Да где же все?! Слезы снова стекают по щекам. За что мне это всё?!

Спустя несколько мучительных минут меня все же вызволяет недовольная уборщица.

– Аккуратнее надо было, – бурчит она с явным раздражением. – Замки не для того, чтобы их ломать.

Нахожу в себе силы поблагодарить женщину и бегу обратно к автобусу, боясь, что он мог уехать без меня. Сердце колотится от страха. Благо, успеваю. Вот же он. Большой, белый. Заскакиваю внутрь. Перевожу дыхание. Автобус тут же трогается с места, и я едва не теряю равновесие.

Но... Проходя все дальше по салону, я понимаю, что что-то не так.

Мое место занято... А сумки и чемодана нет. Что происходит? Секунда... Две... И до меня доходит ужасающая правда. Я все-таки перепутала автобус.

Горькие слезы начинают катиться по щекам. Я влипла. По самые помидоры. Потеряла все. И теперь я совершенно одна. Боже, ну почему я такая неудачница? Какой злой рок меня настиг, что неприятность сыпется на меня одна за другой?!

Плачу навзрыд, наплевав на окружающих. Но...

Вдруг меня отвлекают ужасающие возгласы пассажиров. Оборачиваюсь. И вижу...

Пламя. Яркое, яростное пламя, полыхающее в небо. Осколки металла, изуродованные машины, разбросанные по всей дороге. Похоже, перевернулся бензовоз, из-за чего случился такой крупный пожар. Зрелище заставляет прийти в ужас. А затем, посреди всего этого хаоса, я также замечаю...

Горящий автобус. Тот самый, который уехал без меня...

Глава 3

Элеонора

Стою на привокзальной площади и не узнаю свой родной город. Всё вроде на месте: справа круглосуточный супермаркет, несколько быстро с фаст-фудом, облупленный фасад вокзала, горьковатый запах кофе... Но почему-то чувствуется, будто всё чужое. Или это я теперь стала здесь чужой...

Пальцы дрожат, когда понимаю, что у меня ничего не осталось. Ничего. Ни паспорта, ни денег, ни даже телефона.

Только я сама. Целая. Живая.

Вот последнее и кажется главным чудом.

Я чудом осталась жива, и это самое важное. Я должна ценить этот дар, набраться сил и идти дальше. Тем более, теперь я не одна.

От остановки до паспортного стола идти минут двадцать. С каждым шагом в голове крутится один и тот же вопрос: что дальше? Для начала нужно восстановить документы.

Захожу в здание. Очередь тянется вдоль стены, стульев не хватает, кто-то стоит, кто-то сидит прямо на подоконнике. Воздух горячий, плотный. В углу спит какой-то мужчина, в руках зажат потрёпанный пакет документов.

Да уж. Прошли годы, но ничего не изменилось. Сажусь на свободный стул и... Жду.

– ...ты про ту аварию слышала? Ужас какой... Люди заживо сгорели.

Я поднимаю голову. Говорят две женщины, им примерно лет по сорок, ярко накрашенные, с папками и конвертами.

– Ужас какой, – шепчет одна из них, явно смакуя подробности. – Никто не выжил...

Чувствую, как всё в груди обрывается. Мир будто сдвигается на полоборота.

Автобус. Сгорел. Тот самый.

А я тут. Живая. В голове не укладывается. Будто это не со мной происходит. Ещё вчера я ждала мужа с работы, окрыленная и вдохновленная новостью о беременности... А теперь я здесь. Машинально прижимаю ладонь к губам. В груди что-то с хрустом сжимается.

Сажу, будто в вакууме, а разговор женщин долетает приглушённо, как через стекло.

– Интересно, а людей смогут опознать? Все же обгорело... Ничего не осталось.

Не осталось. Меня – тоже. Но я здесь...

Я покупала билет на свое имя, а значит, среди пассажиров я тоже значусь как погибшая. Матвей все узнает...

И решит, что я умерла. Меня нет.

Странно – мысль об этом колет и греет одновременно. Часть меня, наверное, рада. Пусть думает. Пусть мучается. Пусть знает, что судьба иногда умеет мстить.

Другая часть тихо спрашивает:

«А почувствует ли он вообще хоть что-то?»

Скорее всего, нет. Может, даже выдохнет с облегчением. Ведь теперь никто не напомнит ему, как он обменял меня на мою собственную сестру.

Отдаленно слышу басистый голос: – Следующий.

И я поднимаюсь с места. Ноги ватные. Сердце всё ещё бьёт в грудь с глухим звоном.

Вхожу в кабинет начальника паспортного стола. И на секунду немею.

За столом сидит мужчина. Высокий, светловолосый, с доброй улыбкой, которую я сразу узнаю.

Слава. Мой давний друг, с которым я тесно общалась, пока около восьми лет назад не вышла замуж за Матвея и не переехала.

– Эля? – он вскидывает голову и тут же встаёт, будто не верит. – Да ладно? Какими судьбами?

Я машинально улыбаюсь, хотя внутри всё дрожит. – Привет, Слав. Не ожидала тебя здесь увидеть...

Он выглядит почти так же, как раньше, разве что чуть старше, серьезнее. Но в глазах всё то же доброе, привычное тепло.

– Да как видишь, – он усмехается, разводит руками. – Остался тут. Живу, работаю... Недавно повысили, вот теперь сижу в начальниках. А ты чего пришла? Что-то случилось, Эль?

Он говорит будничным тоном, но я сразу ловлю тревогу в интонации. Слава всегда хорошо чувствовал чужое настроение.

И тут во мне что-то щёлкает. Шанс.

Если автобус сгорел, если я официально «мертва»... Если моё чудесное спасение привело меня к Славе – значит, всё не просто так.

Я горько смеюсь, опускаюсь в кресло напротив.

– Долгая история. Документы вот... Потеряла. Все.

– Утеря? – мужчина тянется к клавиатуре, но останавливается, когда видит, что я не просто нервничаю, я вся будто сжимаюсь. – Эль, ты как? Случилось что-то серьёзное?

Я уже не контролирую дыхание. Слова срываются шёпотом: – Слав... Мне безумно нужна твоя помощь...

Он смотрит прямо, и я чувствую, как накатывает то самое доверие, которое было когда-то давно, ещё в школе.

– Конечно, что нужно?

Слава всегда был добряком. Наивным, но надёжным другом. Я замечаю, что кольца на безымянном пальце нет. Почему-то это сразу бросается в глаза и рождает укол жалости. Такой мужчина заслуживает лучшего, чем однообразные бумаги и пыльные шкафы. И хорошей женщины рядом.

Тянусь чуть ближе и произношу тихо:

– Мне нужны документы на другое имя. Слава моргает, хмурится, откидывается на спинку кресла.

– Эль... Ты чего? Ты куда-то влипла, что ли?

– Нет! – торопливо выдаю. – Нет, Слав. Никаких преступлений, никакого криминала, просто... Я не могу больше оставаться собой.

Он некоторое время молчит, глядя куда-то мимо. Потом тихо спрашивает:

– Тогда скажи честно, что с тобой случилось? Не могу помочь, не зная.

И я начинаю говорить. Сначала сбивчиво, потом всё чётче. Про предательство Матвея. Про сестру...

Про то, как они оба меня предали, как я впопыхах уехала, как потом случилась авария. Про автобус, который сгорел... Про чудо, что оказалась не в нём.

Слова летят сами. Слава слушает, не перебивает. Только лицо всё мрачнее. Когда я заканчиваю, в кабинете звенит тишина.

– Слав, – шепчу почти умоляюще. – Проси что угодно. Хоть всю жизнь буду должна. Только помоги. Я хочу стать другим человеком. Не Элей. Её больше нет.

Глава 4

Элеонора

Полгода спустя

Лежу на кушетке в кабинете, слушаю, как прибор постукивает короткими щелчками, будто отсчитывает секунды. Экран УЗИ пульсирует синими и розовыми пятнами. Где-то там бьётся крошечное сердце, такое маленькое, но живое.

Мой ребёнок. Мой мальчик. Моя жизнь. Прошло шесть месяцев...

Никогда бы не подумала, что время может лететь с такой бешеной скоростью.

Врач выключает аппарат, протягивает мне салфетку. Я вытираю гель с живота и всматриваюсь в лицо женщины. Она странно медлит, пальцы сцеплены в замок. В её взгляде нет ни радости, ни привычной сухости профессионала, только неуверенность и... Будто бы сочувствие.

– Элина Викторовна, – произносит она ровным голосом. – Садитесь, пожалуйста. Нам нужно поговорить.

Судорожно киваю и выполняю её команду, присаживаюсь напротив. В горле неприятно саднит, словно предчувствие чего-то нехорошего.

– Что-то с малышом? – спрашиваю, стараясь, чтобы голос не выдавал беспокойство.

Анна Дмитриевна качает головой:

– Нет, с ним всё хорошо. Сердечко бьётся ровно, развитие в пределах нормы.

Я выдыхаю с тихим «слава Богу».

– Но, – продолжает врач. – Ваше собственное сердце заставляет немного насторожиться.

Мир будто замедляется. Перед глазами поплыло...

– Дело в том, что у вас выявлены признаки дилатационной кардиомиопатии. Это состояние, при котором сердечная мышца ослабевает, камеры расширяются, и сердцу становится тяжелее перекачивать кровь.

Я часто моргаю, ведь слова кажутся чужими. И очень-очень страшными.

– Простите... Что это значит?

– Это значит, что нагрузка на сердце во время беременности растёт, – объясняет она спокойно. – А ваше... Работает с напряжением. Вам нужно беречь себя, избегать стрессов, физических нагрузок. Я направляю вас к кардиологу, консультация состоится завтра, обязательно сходите.

«Беречь себя». Такая простая фраза, а звучит, как предупреждение судьбы.

– Это серьёзно? – едва выдавливаю. Тело покрывает мелкая дрожь. Ладони потеют, не знаю, куда деть руки. – Это может как-то повлиять на ребёнка?

– На ребёнка – нет, – отвечает врач, и мне становится чуточку легче. – На данном этапе всё благополучно. Но если вы не будете следить за состоянием, может пострадать ваш организм. А если сердце начнёт работать хуже... – Анна Дмитриевна делает паузу, как будто подбирает слова. – Беременность просто физически может стать для вас непосильной.

И её слова звучат как приговор. «Непосильной...»

Инстинктивно киваю, не вникая в медицинские детали. В ушах звенит, будто кто-то уменьшил громкость мира.

– Завтра вас примет кардиолог. Всё объяснит и подберёт лечение. Постарайтесь не волноваться.

Не волноваться. После услышанного диагноза это кажется невозможным.

Врач вскидывает на меня ободряющий взгляд.

– Всё будет хорошо, Элина Викторовна. Сейчас главное – покой.

Выхожу из кабинета, сжимая в руках листок направления. В коридоре воздух какой-то густой и тяжелый. Люди проходят мимо, смеются, кому-то звонят. И только я иду, будто сквозь воду.

На улице яркое солнце режет глаза. Морозный воздух холодит кожу.

Внизу, у парковки, стоит Слава. Улыбается, когда видит меня. Я невольно улыбаюсь в ответ, хотя на душе мутно.

Подхожу к машине, Слава услужливо открывает мне дверь.

– Слав, не стоило ждать. Правда, – говорю тихо. – Ехал бы на работу, у тебя же столько дел...

Он усмехается:

– Ничего, работа подождёт. На улице скользко, а ты в положении. Переживаю за тебя.

Тепло его заботы обволакивает, как плед. Иногда кажется, что рядом со Славой становится легче дышать.

Сажусь в машину, прикрываю глаза, кладу руку на живот. Малыш будто отзывается лёгким толчком.

Но тревога... Она никак меня не отпускает.

Слава садится за руль и смотрит на меня внимательно: – Всё прошло нормально?

– Да, просто плановый осмотр... – отвечаю, чувствуя, как внутри сжимается от лжи. Не могу сказать. Не хочу, чтобы он нервничал.

Друг и так сделал для меня невозможное: помог сделать новые документы, обустроиться, дал крышу над головой. Предоставил комнату в своей просторной трешке, мол, ему места все равно много, а вместе веселее. Тем не менее я понимаю, что срок моего проживания в квартире Славы затянулся. Надо что-то решать, ведь скоро родится ребенок и само его присутствие будет вызывать у мужчины неудобства. Хотя Слава не раз говорил, что я могу жить столько, сколько потребуется и что он даже готов помогать с заботами о ребенке... Идеальный мужчина. Просто подарок судьбы... И ни намёка на давление, ни ответных просьб. Только осторожная, тёплая забота. Иногда я ловлю его взгляд и вижу, что Слава чувствует ко мне нечто большее. Но молчит, уважая границы.

Я благодарна ему безмерно. Но ответить взаимностью не могу. Мои чувства всё ещё где-то там, в прошлом, где живёт человек, уничтоживший моё сердце. Наверное, именно поэтому оно сейчас дает сбой...

Матвей.

Сколько бы я ни старалась, забыть не выходит. Интересно, счастлив ли он теперь? Женился ли на Гале? Вспоминает ли обо мне хоть иногда? Или вычеркнул, как страницу с ошибкой?

Слава тем временем рассказывает что-то про работу, про ремонт в его кабинете... Я киваю, поддакиваю, а мысли уже там, у врача, у распечатки с диагнозом.

Сердце.

Моё бедное, слабое сердце...

– Эль, ты какая-то бледная, – неожиданно говорит Слава. – Тебе нехорошо?

– Нет-нет, всё в порядке, – я будто спохватываюсь и натягиваю улыбку. – Просто немного устала, вот и всё.

– Может, заехать в аптеку? Взять витамины? – Не стоит. Правда. Я просто домой хочу.

Он кивает, не спорит. Всегда такой – спокойный, ненавязчивый. И всё равно внутри тяжелеет: чем больше добра Слава для меня делает, тем сильнее моё чувство вины. Мне кажется, я не заслужила такую доброту.

По дороге молчим. Радио тихо играет, за окнами мелькают снежные деревья, редкие прохожие.

Я смотрю на город и думаю, что прошлое будто стерлось, как старое имя с паспорта. Но шрамы всё ещё внутри. Даже новый цвет волос не помог забыть ту, старую себя. Рыжий стал моим щитом: новая внешность, новая жизнь. Волосы обрезала. Теперь они едва касаются плеч, а раньше их длине мог позавидовать любой. Да и лицо словно другое стало. Глаза тусклее.

Совсем другая. Уже не Элеонора. Теперь – Элина. Все та же Эля, но в то же время совсем другая...

Руки, сложенные на коленях, подрагивают. Слава это замечает, бросает короткий взгляд в мою сторону.

– Замерзла? Прибавить тепло?

– Нет, – улыбаюсь натянуто. – Всё хорошо.

Слава подъезжает к дому, помогает мне выйти из машины. Двигаюсь осторожно, чувствуя тяжесть живота. Ребёнок тихо толкается, словно напоминает:

«Я здесь, мам, не бойся».

Мой маленький... Я буду жить для тебя. Даже если моё проклятое сердце будет давать сбой. Я сделаю для тебя все.

– Спасибо, что подвёз, – благодарю Славу, когда он провожает меня до подъезда.

– Не за что, Эль, – бодро отвечает. – Звони, если что-то будет нужно, ладно?

Я киваю и улыбаюсь.

Пока не закрывается дверца, пока его машина не уезжает, держусь ровно. А потом... Потом выдыхаю. И чувствую, как по щеке скатывается первая слеза.

Поднимаюсь в квартиру медленно, ступенька за ступенькой. Сразу ложусь на кровать, кладу ладонь на грудь.

Сердце бьётся неровно, будто спотыкается. «Дилатационная кардиомиопатия».

Это слово будто клеймо. Я никогда не думала, что со мной может быть что-то серьёзное. Всю жизнь чувствовала себя бодрой и здоровой. А теперь внутри растёт новая жизнь, и именно сейчас тело решило напомнить, что я не железная.

Закрываю глаза.

Перед мысленным взором всплывает Матвей: его лицо, руки, тот взгляд, когда-то полный тепла. Он разрушил меня, разбил это самое сердце. Может, болезнь – продолжение ада? Или просто совпадение?

Нет. Хватит.

Хватит думать о нём.

Я не Элеонора. Я – Элина Викторовна Чернова. Другая. Сильная. Живая. У меня ребёнок, который зависит от меня больше, чем кто-либо другой.

Сердце... Его нужно вылечить. Физически – у кардиолога.

И душой – выкинуть Матвея из памяти. Наглухо. Навсегда.

Только так оно перестанет болеть.

Глава 5

Элеонора

С самого утра всё идёт не так.

Просыпаюсь раньше будильника. Сердце стучит не то от страха, не то от предчувствия. Воздух в спальне кажется густым, липким. Секунд двадцать просто лежу, глядя в потолок, и не могу заставить себя подняться.

Сегодня день, который, возможно, изменит мою жизнь.

Приём у кардиолога – обычная формальность для здорового человека. Но я ведь прекрасно знаю, что для меня это вовсе не формальность. От сегодняшнего разговора может зависеть моё будущее. Моя жизнь. И потому внутри всё жжёт тревогой.

На кухне привычно пахнет кофе. Слава уже встал. Его шаги по коридору звучат привычно тяжело и уверенно. Он появляется в проёме, с чашкой в руке, прищуривается.

– Эля, ты так рано сегодня встала. Всё в порядке? – замечает друг, ведь обычно я люблю до последнего понежиться в постели.

Торопливо улыбаюсь, не желая, чтобы он заметил моё состояние. – Всё нормально, просто плохо спала.

– Бессонница?

– Что-то типа того, – отмахиваюсь, пытаюсь сделать голос бодрым.

– Ты куда? Снова к врачу?

– Нет. Просто хочу прогуляться. Доктор рекомендовал чаще гулять и больше двигаться, – снова вру, пытаюсь придать голосу беззаботности. Не хочу заставлять друга беспокоиться.

Во взгляде Славы горит забота и что-то вроде настороженности. Затем он морщится, но кивает.

– Хорошо. Только будь аккуратна.

Допив кофе, Слава уходит на работу, я слышу, как хлопает входная дверь.

На несколько секунд остаётся тишина, и я наконец выдыхаю. Подхожу к зеркалу. Вижу своё отражение. Вроде бы обычное лицо, но под глазами тени. Сердце отзывается ноющей тяжестью.

– Всё будет хорошо, – шепчу сама себе. – Просто приём. Просто врач.

Пальцы дрожат, когда застёгиваю пуговицы на пальто.

Может, я и правда себя накрутила? Может, врач скажет, что всё в норме, и отпустит домой с лёгкой рекомендацией «меньше нервничать»?

Но тревога не уходит. Я вызываю такси.

Дорога до загородной клиники занимает почти сорок минут. За окном мелькают поля, снежные сосны, куски неба. Я пытаюсь отвлечься, читаю вывески, считаю повороты, но мысли возвращаются кругом: диагноз, анализы, сердце...

Больница встречает меня тишиной и стеклянно-холодным блеском. Современное здание, большое, с зеркальными окнами, вылизанное до идеала.

Молодая девушка с дежурной улыбкой, словно из рекламы медицинских центров, принимает мой паспорт, проверяет фамилию.

– Кабинет двадцать третий, на втором этаже. Вас пригласят, как только доктор освободится.

Я киваю и отхожу, усаживаюсь в мягкое кресло у стены. Нервно тереблю в руках папку со всеми моими выписками и анализами.

Нервозность нарастает. Сердце предательски стучит. Так коротко, резко, будто хочет выпасть наружу.

Кажется, я не доживу до вызова. Станет темно, и я просто сползу на пол.

«Спокойно, Эля. Дыши».

Но дышать всё равно трудно.

Дверь кабинета открывается, выходит пациент, и медсестра произносит мою фамилию.

– Чернова Эльвира Викторовна, проходите. Я поднимаюсь.

Ноги не слушаются, в них будто влита свинцовая тяжесть. Каждый шаг даётся с усилием.

Открываю дверь.

Поначалу вижу только письменный стол, стопки документов, ноутбук. За столом кто-то пишет что-то в карте.

– Добрый день, – выдаю я из себя тихо.

– Присаживайтесь, – звучит знакомый голос, низкий, уверенный.

Губы непроизвольно приоткрываются.

Я будто слышу эхо, память поднимает из глубины каждое слово, когда-то произнесённое этим голосом.

Сердце делает стремительный скачок, и меня прошивает холодом. Нет... Нет, этого не может быть.

Я знаю этот тембр.

Знаю эти интонации, паузы, дыхание между словами. Знаю наизусть.

Всё внутри обрывается. Пространство расплывается, теряет форму.

Мир трескается и рассыпается на крошечные, жалкие осколки, которые больно впиваются в сознание.

Я делаю ещё один неуверенный шаг. Ощущение, словно земля качается под ногами. Воздух заполняет лёгкие с трудом.

Сердце не просто болит, оно останавливается и, кажется, падает куда-то вниз, в пустоту. А потом бьётся снова. В сумасшедшем ритме.

Передо мной он. Матвей. Мой муж. Точнее, уже бывший муж.

Опускаю взгляд вниз. На свое направление. Все верно, там указан доктор Панкратов С.А. Тогда почему на его месте Матвей?!

– Но... – слова застревают, горло мгновенно пересыхает. – Меня ведь должен был принять другой доктор...

Он не поднимает головы, делает вид, что занят бумагами.

– Сергея Александровича сегодня нет, – отвечает довольно холодно. – Я его замещаю. Или вас это смущает?

Голос ледяной, почти профессиональный, я даже слышу в нем нотки раздражения.

С трудом дышу.

Мир вокруг никуда не делся, всё осталось на месте. Но я словно стою в другом измерении, где время остановилось.

Матвей кладёт ручку на стол с приглушённым щелчком, хлёстким, как пощёчина.

Его рука немного дрожит. Он наконец поднимает взгляд.

Наши глаза встречаются.

Комната будто наполняется густой тишиной. Даже тиканье настенных часов становится невыносимо громким.

Бывший сидит неподвижно, едва ощутимо приподнимает подбородок.

Мышцы на лице напряжены. Я вижу, как под скулами перекачивается жилка, как напрягается челюсть.

Он пытается сохранить эту почти безупречную маску врачебного спокойствия, но глаза...

Глаза выдают всё. Шок. Искренний. Настоящий.

Как будто он столкнулся с призраком. И я понимаю, почему.

Для него я – призрак. Для него я погибла полгода назад.

Глава 6

Матвей

Телефон надрывается с самого утра. Короткие, резкие звонки сыпятся один за другим, будто кто-то хочет силой вытянуть меня из прострации, в которой я нахожусь последнее время.

Сажу за столом, бесцельно утыкаюсь в окно, на куда-то спешащих снизу людей, грею остывший кофе ладонями и не желаю брать трубку. Но телефон звонит снова и снова.

– Матвей Иванович, почему не берете трубку? – голос главврача резкий, сухой.

– Прошу прощения, не слышал, – вру. – Что-то случилось?

– Срочно нужна ваша помощь. Доктор Панкратов свалился с гриппом, температура сорок, госпитализация. А у него сегодня запись. Сложный случай, беременная пациентка с дилатационной кардиопатией. Клиника частная, в соседнем городе. Мы договорились, что вы временно его подмените. Потому что лучше, чем Сергей Александрович, справиться с задачей можете только вы.

Молчу секунду, перевариваю услышанное. Сложный случай.

– Через сколько нужно быть на месте?

– Как можно скорее. Машина за вами уже выехала. Смотрю на чашку. Кофе остыл окончательно, как и я сам.

Работа. Только она ещё держит меня на плаву. Один день без пациентов, и я снова проваливаюсь туда, где Эля зовёт меня по ночам в своём сне.

Быстро собираю необходимые вещи, и уже спустя двадцать минут стою у двери.

– И куда ты собрался?! – Галя встречает меня в коридоре почти с криком. Её глаза блещут, губы сжаты. – Опять?!

– На работу, – отвечаю спокойно, надевая куртку. – Меня направляют в другую клинику.

Срочный вызов. Какое-то время меня не будет в городе.

– Ты всё время на работе! – визг повышается, режет слух. – Мне скоро рожать, а ты опять свалишь!

Я считаю про себя до трёх.

О боже, как же она умеет довести.

Если бы не ребёнок... Если бы не эта маленькая жизнь, о которой я так мечтал и за которую я теперь отвечаю, давно уже не был с ней.

Хотя чего уж там, я сам во всем виноват. Отразил своё горе в чужой женщине, увидев в ней фантом Эли.

Да, Галя похожа на неё: та же фигура, те же глаза, губы... Только внутри – огонь, взрыв, постоянные сцены. Эля была мягче. Тише. Настоящая. А Галя – громкая, бесконечно требовательная тень на месте света.

– Я вернусь через пару дней, – мне не хватает сил спорить. – Не устраивай скандал.

Галя фыркает, но молчит. Она знает, что я скорее её презираю, нежели испытываю хоть что-то светлое.

Полгода без Эли.

Полгода как с того дня, когда телефонный звонок оборвал всё. Авария. Сгоревший автобус.

Ноль шансов.

Всё остальное – лишь жалкое подобие жизни. Я ухожу, не оборачиваясь.

Клинику видно издалека. Современное здание из стекла и металла. На парковке блестят машины, все вокруг чисто и ухоженно. Обстановка располагает. Да и сам факт, что я побуду какое-то время в тишине и спокойствии, без постоянных скандалов, претензий и самой Гали, определенно радует.

Прохожу регистрацию, получаю список пациентов. Мозг переключается в рабочий режим, и всё ненужное отступает.

Сперва документы, потом пару звонков, подписи, согласования с ассистентами.

Я не думаю ни о чём. Я будто винтик в цепи. Рабочая единица. Когда сидишь с больным, одиночество забывается. Пока пишешь историю болезни, пока слушаешь сердце, дышишь в такт другому человеку, будто бы и сам живёшь. Хоть немного.

Проходит час.

Успеваю принять несколько пациентов. Потом слышу голос медсестры.

– Следующая пациентка – та самая. Беременная, – говорит она. – Срочный случай.

Я киваю.

Про себя уже готовлюсь к стандартной процедуре, просматриваю направление, не вчитываясь в фамилию.

Какая разница. Дверь открывается.

– Но меня должен был принять доктор Панкратов... – чуть дрожащий женский голос раздаётся у порога.

И моё сердце делает один лишний удар. Настолько громкий, что я слышу его сам. Голос знаком. До дрожи. До боли. Неправдоподобно знаком.

Сердце сползает в пятки, а разум протестует: «чушь, тебе кажется, отголоски памяти...»

Я слышу её везде. В толпе, на телефоне, в телевизоре, даже Галя иногда произносит некоторые фразы таким тоном, что я замираю.

Привидения не говорят. Эля мертва.

– Да, – выдаю ровно, стараясь не выдать сбившегося дыхания. – Но сегодня приём веду я. Вас это сильно смущает?

В голосе появляется раздражение, чисто профессиональное: обычно пациенты начинают сомневаться в компетентности, стоит им увидеть, что врач моложе ожидаемого.

Я заставляю руку работать. Дописываю последнюю строчку, ставлю подпись, закрываю карту. Кладу ручку на стол.

Потом поднимаю голову. И всё.

Мир исчезает.

Передо мной стоит женщина.

Хрупкая фигура, небольшой живот под свободным свитером, руки чуть дрожат. Волосы насыщенного рыжего оттенка, собраны в хвост. Глаза живые, но испуганные.

Наверное, впервые за полгода я не способен вдохнуть. Эля.

Нет. Не может быть.

Мозг орёт, что это невозможно. Что передо мной другая. Что я схожу с ума. Но тело не слушает разум. В груди всё сжимается от боли, в горле камень.

Я быстро опускаю взгляд в карту пациента. Чернова Элина Викторовна.

Имя будто удар.

Но я читаю снова. Элина.

Даже имя схоже. Даже проклятое имя...

«– Это совпадение, – говорю я сам себе. – Случайность...»

Но разум не вызывает чувств. А сердце – да. Оно уже всё решило.

Я смотрю на неё снова.

Девушка опускает глаза, видно, как губы дрожат, будто хочет что-то сказать, но не может.

И я понимаю: не я один в шоке. Она тоже.

На секунду кажется, что сейчас стены обрушатся. В комнате густеет воздух.

Я ищу взглядом что угодно, чтобы отвлечься. Папка, клавиатура, планшет...

И вдруг взгляд натывается на дату. Дата последних месячных.

Срок беременности. Я замираю.

Считаю в уме. Полгода. Ещё до аварии.

Тогда мы были вместе. Ещё вместе. Нет. Нет, нет и нет.

Я просто неправильно прочитал. Или медсестра ошиблась. Или это действительно другая женщина, просто до боли похожая.

Я сжимаю кулаки, ногти впиваются в ладони. Холодный пот проступает на лбу.

Это уже не совпадение, это издевательство.

Кажется, мне действительно пора к психиатру. Мания, галлюцинации, всё что угодно.

Я заставляю себя вдохнуть. Коротко, резко. Нужно взять себя в руки.

Я – врач. Передо мной пациентка с тяжёлым диагнозом, а не фантом из прошлого.

Меня позвали сюда не для того, чтобы видеть призраков, а чтобы спасти жизнь. Её и ребёнка.

Собираю остатки самообладания, прочищаю горло.

Голос выходит чужим, сухим, профессиональным, как я умею:

– Проходите. Присаживайтесь.

Девушка колеблется секунду, потом подходит.

Замечаю, как бережно она держит ладонь на животе, словно защищая малыша.

И где-то в глубине гулко откликается забытая боль, нестерпимая, как нож. Эля или не Эля – неважно. Сейчас я должен быть врачом.

Глава 7

Элеонора

Матвей.

Все тот же Матвей... Но уже не мой.

Только морщин стало больше, в уголках глаз царит усталость, и чуть-чуть седины на висках прибавилось. Те же движения, тот же прищур, та же слишком ровная осанка.

И профессиональное спокойствие, как у человека, который каждый день сталкивается со страхом других и научился не показывать своих эмоций.

Только вот... Будто и правда не узнал.

Он смотрит на меня без тени смятения, аккуратно протягивает руку, делая нейтральный кивок:

– Присаживайтесь.

Словно я обыкновенная пациентка. Сотни, тысячи таких.

Сердце у меня грохочет так, будто его вот-вот услышит весь кабинет.

Выхода нет. Я в клетке. Именно так сейчас ощущается пространство вокруг меня. Медленно подхожу, сажусь на стул.

Пытаюсь дышать ровно, глубоко. Не получается. Матвей листает мою карту.

Его пальцы длинные, уверенные.

Зачем-то украдкой рассматриваю его лицо.

Вот она, та же линия челюсти, те же губы с упрямой складкой. Всё тот же человек. И совсем другой одновременно. Чужой. Взгляд стал тяжелее, мрачнее, так смотрят люди, которым

пришлось пережить что-то страшное. Так ли это? Или это я хочу так думать, чтобы объяснить, почему в глазах Матвея теперь столько серости?

Но...

Взгляд вдруг цепляется за блеск на его руке. Обручальное кольцо.

Всё. Время рушится, воздух становится густым, как патока. Словно клинок вошёл прямо под рёбра.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.